

Дин Гоуэр, сорокавосемилетний следователь по особо важным делам провинциальной прокуратуры ехал в кабине угольного грузовика. Он ехал на шахту Лошань проводить специальное расследование, и от навязчивых мыслей гудела голова. Теперь он заметил, насколько сильно сжимает голову бейсболка коричневого цвета, пятьдесят восьмого размера, раньше она идеально располагалась там. Не приятные ощущения становились все более навязчивым, следователь не выдержал и снял головной убор. Бейсболка оказалась вся влажной от пота. В нос ударил жаркий дух сальных волос, вперемешку с другими не приятными запахами. Аромат показался каким-то чужим, он с трудом сдержал рвотный порыв.

Ближе к шахте, на черном полотне дороги стали появляться все новые неровности и ухабы, и разогнавшемуся грузовику пришлось сбавить скорость. Раздражающе скрипели рессоры, Дин Гоуэр постоянно бился головой о потолок кабины. Из уст молодой, симпатичной девушки, что сидела за рулем неслась такая брань, что так и хотелось отпустить грубую шуточку. Не удержавшись, он покосился на нее. Синяя роба, торчащий из-под нее воротник розовой рубашки закрывает часть белой шеи; сверкающие темные глаза с зеленоватым оттенком, короткая стрижка, темные волосы — жесткие и блестящие. Руки в белых перчатках держали руль: внимательно девушка смотрела на дорогу, объезжая препятствия. Машина уносило то влево, то вправо. На носу водителя выступил пот, на лбу обозначились морщины. Лоб низкий, подбородок твердый, губы пухлые — видать, женщина пылкая, страстная. Грузовик сильно качнуло, их тела случайно соприкоснулись. Даже через одежду изголодавшаяся кожа следователя ощутила близкую мягкость и тепло. Захотелось прижаться к ней, потрогать руками. Странноватые ощущения для опытного сорокавосемилетнего следователя, но, опять же, вроде бы нормальные. Он тряхнул головой и отвел от нее взгляд.

Дорога была невыносимой и чем дальше они ехали, тем чаще грузовик попадал в ямы, раскачивался и скрипел, но продолжал ползти вперед, будто огромный зверь, у которого вот-вот разьедутся лапы, и в конце концов пристроился к длинному хвосту колонны машин. Женщина расслабленно вытянула ноги, заглушила двигатель, стянула перчатки, стукнула по рулю и недружелюбно глянула на него.

— Твою мать, хорошо, что ребенка в пузе нету, а то уже б вытрясло!

Вздвогнув, он проговорил, чтобы расположить ее:

— Ага, еще бы, я не позволю чтобы его вытрясло, — строго возразила шофер. — За ребенка две тысячи юаней дают. — И уставилась на него чуть ли не с вызовом, но все в ней говорило, что она ждет ответа.

Дин Гоуэру стало любопытно, но в душе он ощутил страх. В результате этого недолгого грубоватого диалога он почувствовал, что закатился со всеми потрохами к ней в корзину этаким картофелиной с синими глазками. Тайны и запреты в отношениях между полами стремительно отсеялись, и дистанции между ними не стало. За словами шофера просматривалось нечто, имеющее отношение к тому, что его сейчас занимало, он настороженно посмотрел на нее. Рот у нее чуть скривился. От этого стало не по себе. Ведь только что она казалась женщиной смелой, решительной и неординарной. Но этот искривленный в бесцеремонной ухмылке рот его расстроил. Стало ясно, что человек она никчемный и недалекий и вообще не стоит душевных затрат.

— А ты что, ребенка ждешь? — выпалил он.

Чуть ли не бесстыдным тоном девушка заявила:

— Солончак я, вот беда.

«Ты следователь опытный, — вспомнил Дин Гоуэр — на тебя возложена большая ответственность, но на женщине ответственность куда большая, как потешались над ним его коллеги: «-Дин Гоуэр одной елдой любое дело раскроет». Так и подмывало дать себе волю. Мужчина вытащил из кармана флягу с вином, отвинтил пробку, отхлебнул и передал девушке.

— Ну, в вопросах сельского хозяйства я профи, — подыграл он. — Особенно по мелиорации.

Водитель с силой нажала на клаксон, но раздался лишь слабый, приглушенный сигнал.

— Мамаше своей на титьку надави! — сердито буркнул водитель, выскочивший из кабины грузовика перед ними.

Девушка взяла фляжку, понюхала, словно определяя качество, потом задрала голову и с бульканьем осушила ее до дна. Дин Гоуэр хотел похвалить ее, но потом подумал, что хвалить за умение пить в Цзюго, что в дословном переводе значит: «Страна вина» — было бы глупо, и промолчал. Он вытер рот и, впившись взглядом в ее пухлые, влажные от вина, пунцово-красные губки, без зазорства совести заявил:

— Дай-ка я тебя поцелую.

Ошарашенный Дин Гоуэр быстро огляделся: водитель другого грузовика уже снова забрался в кабину, и на них никто не обратил внимания. Впереди тянулась целая колонна машин; сзади пристроился запряженный в повозку осел, за ним — грузовик с прицепом. По обеим сторонам дороги протекали канавы, среди разросшейся травы поднимались невысокие уродливые деревья с толстыми стволами. И листья, и трава — в черной пыли. Стояла поздняя осень; за канавами простирались поля, где под налетавшим ветром в торжественном молчании торчала желто-серая стерня. Ни радости, ни печали. Вокруг раскинулся край шахт, высились окутанные желтоватой дымкой терриконы. У шахтного ствола беззвучно и безостановочно вращается лебедка, загадочно и странно. Ее видно всего наполовину, остальное закрывает грузовик.

Девушка не прекращала орать во все горло: «Я тебе поцелую, мать твою», — но с места не двинулась. Своими криками она нагнала немало страха, но Дин Гоуэр, рассмеявшись, чуть коснулся ее груди указательным пальцем — и будто нажал на кнопку старта: она навалилась на него всем телом, схватила за щеки холодными как лед руками и потянулась к нему губами. Холодными, мягкими и — странное дело — совсем не упругими, словно старая вата губами. Разочарованный, он потерял к ней всякий интерес и оттолкнул. Но эта разъяренная пантера набрасывалась на него снова и снова. Суматошно размахивая руками и ногами, он отбивался как мог. Угломнить ее удалось, лишь прибегнув к приему, каким утихомиривают преступников. Да, грубо, зато эффективно!

Оба дышали тяжело. Дин Гоуэр крепко держал ее запястья, пресекая попытки к сопротивлению. Она что было сил, старалась вырваться, извиваясь всем телом, словно пружина, издавая при этом легкое постанывание, и его снова разобрал смех.

— Что ржешь? — вдруг заговорила она.

Отпустив ее руки, Дин Гоуэр достал из кармана визитку:

— Пойду я, барышня. Вспомнишь про меня — ищи по этому адресу!

Она смерила его взглядом, опустила глаза на визитку, как пограничник на паспорт туриста, потом снова уставилась на него.

Дин Гоуэр потрепал ее за нос, сунул под мышку кожаную папку и взялся за ручку дверцы:

— Пока, дочурка. А удобрение у меня первоклассное, как раз для солончаков.

Он почти вылез из машины, когда она ухватила его за руку. Смотрела девушка как-то растерянно и неуверенно, и он вдруг понял, что она еще совсем девчонка, не замужем и вообще не была с мужчиной, милая такая и жалкая. Он погладил ее по руке и сказал вполне искренне:

— Я тебе в отцы гожусь, дорогуша.

— Лжец! — сердито фыркнула она. — А говорил — до станции техобслуживания.

— Так почти приехали, — улыбнулся он.

— Шпион!

— Хоть бы и так.

— Знала бы, что шпион, не взяла бы!

Дин Гоуэр нашарил пачку сигарет и бросил ей:

— Ладно, не злись.

Она швырнула его фляжку в канаву:

— Тоже мне мужик — не фляжка, а одно название.

Дин Гоуэр спрыгнул на обочину, громко захлопнул дверцу и зашагал вперед.

— Эй ты, шпион! — донесся сзади ее голос. — Часом не знаешь, что там за беда на дороге?

Обернувшись, Дин Гоуэр увидел, что она высунулась из окошка, усмехнулся, но ничего не ответил....

<http://tl.rulate.ru/book/13431/258248>